

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

**Цикл
«Инженер»**

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

**Цикл
«Терра инкогнита»**

ЭМИГРАНТЫ
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА
ЭРА НАДЕЖД

**Цикл
«Приносящий счастье»**

ДОМ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА
ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Андрей Величко
Приносящий
счастье

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Величко А. Ф.

В27 Приносящий счастье: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 313 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1496-3

В семнадцатом веке много чего не было. Не было там автомобилей, радио, телевидения, дизель-электрических теплоходов, самолетов-амфибий и термоэлектрических станций. Однако это не страшно, считают Николай Мещерский, Михаил Анисимов и Саша Попаданец. Понадобится — все будет. И руки, и головы у них есть.

А еще там не было членовозов с мигалками, эффективных менеджеров с заоблачными окладами и слуг народа, живущих в хороммах, накопить на которые с официального дохода они могли бы разве что лет за сто. Герои этой книги приложат все усилия, чтобы ничего подобного так и не появилось — по крайней мере, в их стране.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Величко А. Ф., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1496-3

ПРОЛОГ

Нодаи было страшно. Не так чтобы уж очень, до тошноты и дрожи в коленках, но то, что должно было случиться совсем скоро, все-таки ее пугало. Ведь ей придется шагнуть на небо! Хорошо хоть ненадолго, а потом будет огромная, богатая и почти пустая земля, где переселенцы смогут жить по новым законам. Но все же подумать только — путь туда лежит через небо! Правда, младший посланец Поль говорил, что в обетованные земли можно попасть и по океану. Но это очень долгий путь, он вчетверо длиннее того, что в свое время пришлось преодолеть предкам нынешних мориори, спасавшимся от жестоких пришельцев-людоедов.

Если честно, то Нодаи предпочла бы плыть через океан, но ее мнение никого не интересовало. Поль сказал, что все желающие на «Мечту» — так называлась двойная лодка пришельцев — никак не поместятся. Вот потом, когда переселенцы помогут построить в дальних землях большой корабль, он, возможно, станет совершать рейсы к Рекоху и обратно, а пока...

— Гордитесь! — торжественно сказал своим подопечным младший посланец Поль. — Возможно, вы останетесь единственными из народа мориори, побывавшими на небе. Вам будет что рассказать своим детям и внукам.

Так что Нодаи, как и было наказано, гордилась. Но с опаской и немалым душевным трепетом.

Кстати, она уже почти полторы луны как не Нодаи, а Надь-Я. Нет, правильнее будет — Надя, Поль всегда с неодобрением относился к коверкающим верхний язык. А ее Хоир-Оги теперь Георгий. Они получили высшие имена

одними из первых, научившись сначала помогать Полю, а потом и работать на визжащей четырехногой штуке пришельцев, которая пилила дерево, причем невероятно легко и быстро. Как же она называется? Цир... кур... ляр... как-то так.

Бывшая Нодаи вздохнула — все-таки в верхнем языке очень много слов, и среди них часто попадаются длинные и трудные. Однако она довольно быстро научилась пользоваться хотя бы простыми, из-за чего ее и заметил Поль.

Но первой получила высшие имена семья из рода Хику, жившего на восточной оконечности острова. Они занимались рыбной ловлей, причем успели получить от пришельцев, пока те еще не уплыли, большую зеленую сеть, при помощи которой рыбу в лагуне можно было ловить даже зимой.

Правда, эта зима прошла не как предыдущие, по крайней мере, для тех людей, которые решили войти в новый род. Про него, прежде чем улететь, рассказал старший посланец Миш. Так вот, зима хоть и выдалась даже немного холоднее прошлой, но была пережита на удивление легко. Ведь как оно было раньше?

Дождь, иногда целую луну подряд. Несмотря на все усилия, хижины протекают, в них холодно и мокро. Очаг греет, только пока в нем горят дрова, но тогда в хижине невозможно находиться из-за дыма. И горе той семье, что не смогла уследить за огнем и потеряла его! Хорошо, если у соседей он сохранился, но в прошлом году налетевший ураган повалил много хижин и загасил огонь почти у всех. А добыть его в такую мокрую погоду очень и очень непросто.

Только все это еще полбеды. Голод! Вот самый страшный враг мориори зимой.

Все съедобные корни выкопаны еще осенью, а новые зимой не растут. Птицы не откладывают яйца и не выводят птенцов, а наоборот, прячутся, и добыть хотя бы одну получается только у лучших охотников, да и то редко.

Рыба покидает прибрежные области лагуны, ее не

поймаешь на сделанный из ракушек крючок. Приходится на плоту выплывать почти на середину и пытаться бить рыбу острой. Целый день в страшно холодной воде, под дождем, и часто без всякого результата! Рыбаки болели, а иногда и умирали.

Однако вокруг каменного дома Поля почти все было не так.

Во-первых, когда заболели два самых маленьких ребенка и все думали, что они умрут, Польша пустил их с матерями к себе, на первый этаж, где было тепло и сухо. Давал им еду и какие-то отвары, так что дети выжили.

Во-вторых, он научил двух молодых охотников пользоваться гремящими палками — страшным оружием посланцев. И теперь те пусть и не каждый день, но все-таки довольно часто приносили убитых птиц. А посмотрев, как мерзнут рыбаки на плоту, хоть нынче у них не заостренные колья, а сеть, вынес из дома странную красную штуку с мелкими, но даже на вид острыми зубами и велел всем здоровым мужчинам идти в рошу. Там он что-то сделал со своей зубаткой, она затрещала, завывала, а увязавшаяся за Хоир-Оги Нодаи чуть не умерла со страху. Красная штука с самого начала показалась ей оружием, причем даже более страшным, чем гремящие палки. А тут ее зубы вдруг задвигались и побежали так, что их стало не видно! Наверняка это существо может перегрызть даже камень, не говоря уж о человеке.

Но Польша начал пилить деревья, а не людей. И за один день повалил почти треть небольшой рощицы, на что племени, наверное, потребовался бы год. А тут всего один день, да и то не весь!

Однако посланец все-таки устал, поэтому велел Хоиру тащить к дому его, как он ее назвал, «бенз-о-пилу». Нодаи видела, как страшно было ее мужу. А вдруг это вновь оживет и начнет бросаться на людей, ведь деревья рядом нет, они остались далеко позади.

На следующий день Польша опять пошел к рощице, причем в этот раз Хоир тащил пилу и туда. А затем посла-

нец оживил свою красную вещь и начал ползать с ней около бревен, говоря людям, где подержать их или как повернуть. И бревна стали на глазах превращаться в прямые палки, которые пришелец называл брусьями. Их оттащили к дому, Поль с помощью здоровяка Иму выволок того самого четырехного с зубастым кругом посередине, который мог резать брусья на длинные и ровные щепки, то есть доски. Нодаи с Хоиром вскоре научились пользоваться этой вещью и сами. Все-таки круг хоть и был зубастым, но не таким страшным, как длинная челюсть у красной верещалки, стоял посередине стола и никак не мог оттуда убежать — Поль это сказал совершенно точно.

Около дома были быстро построены два навеса, покрытые, как ее назвал пришелец, «пленкой». Она выглядела полупрозрачной и походила на рыбий пузырь, но это каких же размеров должна быть рыба, чтобы из ее пузыря вырезать куски такой длины? Наверное, величиной не меньше острова Рекоху. Понятно, почему пришельцы никогда не голодают, если они знают, где водятся такие рыбы, и умеют на них охотиться.

Так вот, готовые доски Поль внимательно осматривал и разделял. Самые лучшие, ровные и без сучков, он велел складывать под малый навес, а остальные — под большой. И сказал, что их можно пустить на постройку хижин, которые не будут протекать, особенно если сверху их тоже накрыть пленкой. Затем показал, как сложить очаг, чтобы он дольше держал тепло в таком доме и меньше дымил.

Лучшие же доски лежали под навесом луну с четвертью, после чего Поль с семьей рыбаков начал строить из них корабль. Двойной, как тот, который привез на Рекоху младшего и среднего посланцев, однако заметно меньше и без хижины на нем. Но тоже с мачтой!

Вскоре корабль был построен, и семья из Хику начала плавать на нем по лагуне, вылавливая при этом куда больше рыбы, чем раньше с плота, причем теперь она не мерзла и почти не мокла. Сначала отталкиваясь от дна шестами, потом загребая веслами. Когда люди освои-

лись с кораблем, Поль рассказал им, зачем нужны паруса, как их ставить и как ими пользоваться. После чего семья рыбаков долго плавала по лагуне на одних парусах, без шестов и весел. Сначала они научились двигаться по ветру, потом поперек него, а под конец и против, направляя корабль зигзагами, как плавают некоторые мелкие рыбки.

Увидев, что рыбаки могут нормально управлять построенным кораблем, младший посланец пригласил их в свой дом, где люди просидели до позднего вечера. Выйдя оттуда, глава семьи сказал, что они обещали Полю проплыть вокруг острова Рекоху. То есть, покинув лагуну, обогнуть северную часть острова и явиться в бухту около деревни Ваи.

Если бы такое сказали свои, наверняка начался бы плач, потому что такой путь означал почти верную смерть. Но рыбаки были из рода Хику. Впрочем, Наде стало грустно — они же хорошие люди, часто угощали своей рыбой всех, кто попросит.

Однако мужчина заявил — если мориори и дальше будут бояться выйти в океан, их ничего не ждет, кроме угасания на своем острове. Кто-то должен стать первым, и он, Кири-Кау, решил, что это будет его семья.

Ранним утром двойная лодка вышла из лагуны. Поначалу юго-западный ветер был для нее почти попутным, но, когда береговая линия повернула на восток, стал дуть сбоку-спереди. Но остров пока еще защищал кораблик от океанских волн, а двигаться вперед при таком направлении ветра семья Кири умела.

Когда солнце дошло до середины своего пути по небосводу, корабль достиг Северного мыса и обогнул его. И тут на него обрушились океанские волны. А чтобы не быть унесенными в открытое море, рыбакам теперь надо было править точно против ветра! Раньше они делали это, и довольно успешно, но только в спокойных водах лагуны. Оказалось, что в океане это не так просто: несмотря на

все усилия, с каждым поворотом двойную лодку относило все дальше от берега.

Но Кири-Кау не сдавался. Он велел жене и двум сыновьям взять весла и грести изо всех сил, а сам управлялся с рулем и обоими парусами.

Весла помогли, да и Кири приноровился управлять судном на волнах, так что вскоре берег вновь стал приближаться. И наконец, когда солнце прошло уже треть своего пути от верхней точки на запад, мыс остался позади. Волны никуда не делись, но ветер теперь дул сбоку, так что обессилевшие люди наконец-то смогли немного отдохнуть.

В бухту Ваи рыбаки добрались, когда солнце уже садилось. Там их встречал сам Поль, приехавший на своей тархтящей сухопутной лодке с колесами. Он объявил, что это был великий подвиг, за который вся семья, включая десятилетнего младшего сына, получает высшие имена. Несмотря на то что Кири-Кау все еще плохо говорил на языке пришельцев. А потом вручил рыбакам полосатые рубашки и сказал, что они поплывут в новые земли на «Мечте», которая скоро явится на Рекоху. За время плавания люди научатся обращаться с большим кораблем и станут настоящими моряками.

И вот вчера утром «Мечта» вошла в лагуну. Сошедший с нее средний посланец сказал, что послезавтра вечером все желающие будут переправлены в новые земли. Для этого им надо подняться почти на самую вершину горы Уинау, до которой полдня пути. Он поможет им оттуда шагнуть на небо, а с неба — в новые земли.

Сейчас тринадцать семей рода Ваи, в том числе и Надя с Георгием, собирались в путь к самой высокой горе острова.

ГЛАВА 1

Очередное измерение разницы скоростей протекания времени показало двести шестьдесят три, то есть она явно уменьшалась несколько быстрее, чем по простой синусоиде. А это, в числе прочего, может означать, что оная синусоида не простая, а с гармониками. Но для хотя бы самого общего представления об их частоте и амплитуде у меня было слишком мало информации. Жалко, потому как хотелось побольше узнать про свойства перехода между мирами, которым я столь давно и беззастенчиво пользовался, выражаясь протокольным языком, «в интересах узкой группы лиц». Но ничего не поделаешь, и я подошел к окну. На улице как раз сейчас происходило расширение той самой группы.

Переселенцы с Чатема растерянно толпились на единственной площади нашего города, куда они были приведены из прочного сарая, способного выдержать разницу давлений в сорок миллиметров ртутного столба. Их обустройством должна была заниматься Ханя, и она сейчас рассказывала людям, в какое замечательное место они попали, как теперь все будет прекрасно. Впрочем, иммигранты и сами видели, что здесь заметно теплее и не идет дождь.

Две девицы, привезенные Мариком полгода назад, тоже были на площади и с нетерпением ожидали конца речи моей помощницы, чтобы начать хвастаться знакомым, как хорошо они теперь живут. Кстати, когда я в свое время спросил парня, которая именно является его женой, то получил ответ — обе.

Сбоку стоял Бунг, старший из наших тасманийцев, и с задумчивым видом в который раз принимался загибать пальцы. Кажется, он пытался сосчитать, на сколько выросло население Форпоста и сколько валлаби теперь придется добывать ему и его парням, чтобы прокормить всю эту ораву. Хотя и с трудом, но мне все же удалось привить тасманийцам понятие культуры в смысле одежды. И теперь на охотнике была не только камуфляжная рубаха, но и такие же шорты.

Наконец его вычисления привели к какому-то результату, и он направился к моему дому. Интересно, что ему понадобилось?

Оказалось, помповое ружье. Валлаби тасманийцы стреляли из мелкашек, но тут ситуация изменилась.

— Много люди — много кушать, — объяснил мне охотник. — Надо большой зверь. Бунг взять большой ружье и бить котик. Невкусный зверь, но большой. Один, два, три котик.

— Котик — это хорошо, а три котика — еще лучше, — одобрил я его инициативу.

Действительно, вкусовые качества этих животных были, мягко говоря, не идеальными, но зато в них содержалось много жира — основного сырья для производства хлоратитной взрывчатки.

Тасманийцы влились в наш коллектив на правах автономии. То есть их домик стоял не около площади, а метрах в ста от нее, в кустах. И был существенно меньше стандартного, но вовсе не потому, что мы пожадничали с материалами. Просто даже бытовка размером два и два на пять метров казалась гостям с соседнего острова слишком большой, и мне пришлось убеждать главу семьи, что, несмотря на огромные размеры предлагаемого жилища, жить в нем будет удобно.

В наших стройках Бунг почти не участвовал, предпочитая охотиться. А уж когда он освоил мелкашку, добытого им и его парнями мяса стало хватать всем, и даже с небольшим избытком, из которого делалась тушенка на черный день. Но теперь следовало задуматься о расшире-

нии географии охотничьих экспедиций. Потому как Манюнин остров не слишком велик, валлаби всем надолго не хватит, а с утра до вечера жрать одних котиков — увольте. То есть надо было построить пару небольших суденышек для плавания по Бассову проливу.

За образец я собирался взять то, что соорудил на Чатеме Поль. При всей своей выдающейся примитивности та посудина получилась очень и очень неплохой.

Силовой набор корпуса состоял из прямоугольных шпангоутов, представлявших собой просто отрезки сплошной доски. Стрингеров не было вообще, их роль играла обшивка. Заодно сразу получались герметичные изолированные отсеки, что сильно увеличивало живучесть.

Понятно, что при такой конструкции любой разрез корпуса был прямоугольником, что не очень хорошо в смысле обтекаемости. Так вот, Поль просто прикладывал к днищу поплавок подходящий горбыль, обрабатывал его по месту и приворачивал на шурупах. Это не только улучшало обтекаемость, но и обеспечивало хорошую защиту днища. Катамаран мог на полном ходу выбрасываться не только на песок, но и на не очень крупные камни. А в самом крайнем случае заменить горбыль — это час работы вместе с подгонкой.

Кроме того, катамаран Поля не был жестким. Во время шторма, когда наша «Мечта» начала потихоньку разваливаться, парень обратил внимание на ее поведение после приобретения поплавками некоторой свободы перекашиваться друг относительно друга. Так вот, судно тогда начало всходить на волну куда легче! Так что в его конструкции такая свобода была заложена изначально. Получилось очень неплохо, суденышко обогнуло Чатем при волнении в семь баллов без каких-либо повреждений и при этом почти не зарывалось носом при любой ориентации относительно волн.

Однако закладка нового флота состоится чуть попозже, когда «Мечта», доставившая меня на Чатем, вернется в Форпост. Пока же предстояло заняться сельскохозяй-

ственными вопросами — хорошо хоть ненадолго и в основном с технической стороны.

Близились посевная, а наш машинный парк состоял из сдвоенного мотоблока и маленького колесного трактора без единого навесного приспособления для ковыряния в земле. Как там оно называется — вспашка, окучивание или культивация? И значит, мне предстояло явиться в Москву, чтобы приобрести еще пару мотоблоков. Затем несколько дней геморроиться с открытием канала на Хендерсон, по результатам коего действия вытащить в Москву дядю Мишу. И пусть он покупает все эти разнообразные плуги, окучники, фрезы-культиваторы, картофелесажалки и, чем черт не шутит, даже скарификаторы. Ведь, в отличие от меня, он может знать, что означает это слово в перечне навесного оборудования для дачной сельхозтехники.

На сей раз открытие заняло всего четыре вечера, а следующим утром, в субботу, я на прокатной «газели» повез дядю Мишу по МКАДу, вдоль которого располагалось множество всяких сельскохозяйственных рынков.

Майор с интересом осматривался — ведь он сравнительно давно не был не только в Москве, но и вообще в двадцать первом веке.

Вот в левом ряду, завывая мигалкой, промчался сначала один черный членовоз, за ним, минут через пять, другой. Все правильно, мы приближались к Рублевке, но дядя Миша почему-то удивился.

— Постой, тут сейчас июнь? — уточнил он.

— Да, тридцатое число.

— Так ведь было же обещано, что мигалки уберут еще в мае, оставив их только тем, кому положена государственная охрана! Что, сейчас мимо нас проехали аж двое из трех десятков?

Я даже не сразу нашел что ответить. Ведь боевой же офицер, спецназовец, герой, а тут вдруг такая наивность! Обещали ему, вот беда-то какая. Можно подумать, что в первый раз. Или хотя бы в десятый.

— Обещали-то до выборов, а сейчас уже давно как после, чего же вы хотите? Но была бумага про сокращение, как сейчас помню. О том, что мигалки остаются только трем десяткам персон с охраной, в полном соответствии с предвыборными обещаниями. И плюс еще почти шести сотням тех, кому охрана не положена, это уже послевыборное дополнение. В общем, я надеюсь, что в результате конкретно этого сокращения число мигалок вырастет не очень сильно. Но, конечно, ездить их владельцы станут куда наглее.

— А это еще почему?

— Да потому, что в период от обещания до его выполнения шишки, особенно которые помельче, все-таки волновались — а вдруг их действительно заставят передвигаться как всех? Но убедившись, что тревога была ложной, люди облегченно вздохнут и захотят компенсировать свои душевные страдания. Мол, не надейтесь — как ездили, так и будем ездить, а все недовольные идут в болото.

Тут мимо нас с воем пролетел еще один слуга народа, и дядя Миша, проводив его заинтересованным взглядом, спросил:

— Коль, а как у нас с деньгами?

— Пока есть, но вообще-то вы правы — можно потихоньку начинать прикидывать варианты, чтобы не пороть горячку, когда подопрет.

С этими словами я включил поворотники — до первого из подлежащих посещению рынков оставалось двести метров.

К обеду загруженная сельхозинвентарем «газель» вернулась в гараж, а оттуда проехала в город Форпост. Где она была по-быстрому разгружена, после чего начала катать переселенцев с Изначального острова. Они ведь прекрасно помнили ее прошлый приезд и сразу узнали машину, хоть в этот раз она была песочного, а не серого цвета и с синим тентом вместо зеленого. Но так как часть элемента новизны была уже потеряна, покатушки про-

должались сравнительно недолго, минут сорок. И проходили по маршруту протяженностью примерно в полкилометра — остров Флиндерс даже без человеческого вмешательства представлял заметно больше возможностей для автотранспорта, чем Хендерсон.

Прибывшие же с Чатема кататься не рискнули. Возможно, со временем они и наберутся смелости, а пока ее хватило только на то, чтобы внять увещаниям Хани и не убежать в лес от рычащего и воняющего чудовища с горящими глазами.

А потом началось... как же ее правильно назвать — посеваемая страда? В общем, десять человек, в основном женщины, копали и сеяли, а дядя Миша рассекал по окрестностям Форпоста на китайском тракторе с плугами и прочими ковырялками на прицепе. Я же валял из двух только что купленных мотоблоков второй сочлененный трактор. Правда, сейчас это были другие мотоблоки. Вдвое дороже и в два с половиной раза тяжелее, чем те, которые я спаривал в первый раз.

Теперь мы приобрели дизельные машины, причем их движки были из того же семейства, что и у трактора «Хэбэй». Тот же один цилиндр, здоровенный маховик сбоку и самовар в качестве радиатора. Только эти были чуть поменьше, имели мощность не пятнадцать, а восемь сил и весили всего около сотни килограммов при объеме в шестьсот кубов. Зато при первом же взгляде на оные произведения инженерного искусства становилось понятно, что нынешнему поколению островитян измерить их ресурс не удастся: люди столько не живут.

В общем, опыт у меня был, так что с работой удалось справиться за пару дней. Разумеется, железяки для спаривания брались помассивней и сваривались более основательно, и рулевой редуктор пошел не от «жигулей», а от «газели», но в остальном я просто повторил предыдущую конструкцию. Правда, пришлось повозиться с переключением передач, потому как их в новых мотоблоках было аж по шесть — четыре вперед, две назад. И требовалось, чтобы они включались синхронно на

обеих половинках моего трактора. Однако я с этим справился, с ветерком прокатился вокруг Форпоста и подрулил к своему дому, правое крыло которого сейчас занимал дядя Миша.

Майор тоже прокатился, посмотрел, куда тут цеплять всякие плуги, и предложил мне немного поработать педагогом.

— Зину научи ездить, а то мне некогда, — попросил он.

Имелась в виду пожилая тасманийка, мать парней с европейской внешностью и жена Бунга. Причем имя у нее было свое, то есть Зиной она стала вовсе не в результате знакомства с нами.

Вообще-то она сначала была женой спасенного белого моряка и сохранила о нем самые приятные воспоминания, как-то раз при посильной помощи Хани поделившись ими со мной. Оказывается, это был невероятно добрый человек — он носил своего второго сына на руках почти год, из-за чего тот и не умер.

Хоть и с трудом, но я все же разобрался, в чем тут было дело.

Выяснилось, что на Тасмании было принято рожать следующего ребенка только после того, как предыдущий научится ходить. Потому как племена вели кочевой образ жизни, а мать могла нести только одного. Но матрос сам таскал своего второго сына, что для мужчин племени выглядело на редкость странно. Из-за чего к их семье большинство относилось несколько настороженно. Причем после смерти моряка от воспалившейся раны ситуация только ухудшилась, но тут наступило время встречи племен.

Она происходила раз в год, и люди выбирали себе жен и мужей — таким образом тасманийцы избегали близкородственных браков. Вот, значит, тут-то Зина и встретилась с недавно овдовевшим Бунгом, обремененным сыном и совсем маленькой дочкой. И вошла в семью своего нового мужа.

Женщины у тасманийцев в основном занимались собирательством, и Зина сразу оценила всю красоту идеи —

не мотаться за ягодами и кореньями по лесам, горам и равнинам, а посадить их, дожидаться, пока вырастут, и собрать прямо не отходя от дома. Поэтому она с большим энтузиазмом взялась помогать дяде Мише. Ну, а он, кажется, решил сделать из нее трактористку.

К моему удивлению, с рулем и газом тетка научилась управляться в первый же день. Да и то как минимум треть этого времени ушло на убеждение ее в том, что в кроссовках нажимать на грубо сваренные педали будет куда удобней, чем босиком. Еще день ушел на шлифовку ранее полученных навыков и получение новых, теперь уже по работе со сцеплением. Правда, оно у мотоблоков было ременное, то есть требовало гораздо меньшей точности, чем дисковое у автомобиля. Во всяком случае, заглушить двигатель сколь угодно резким броском было невозможно. Правда, в таком случае происходил усиленный износ ремней, но Зина довольно быстро поняла, как правильно пользоваться левой педалью. Переключать скорости ей пока не требовалось — вся пахота проходила на одной.

Еще три дня мы учились ездить с прицепленными плугами. Столь много времени это заняло потому, что учились действительно мы оба, ибо я тоже до сих пор землепашеством как-то не занимался. Но, изуродовав одну короткую грядку, мы потом сравнительно терпимо вспахали первую длинную, а остальные три и вовсе пошли на ура. После чего я с облегчением сдал трактор и ученицу дяде Мише. Майор посмотрел на результаты нашей крестьянской деятельности, поблагодарил меня, а Зину с некоторым даже уважением назвал Пашей Анжелиной. Интересно, кто это — танкистка, трактористка или артистка, кого-нибудь из них сыгравшая?

У меня же наконец появилось время заняться давно задуманным делом. А то ведь со всей этой посевной возней я уже начал потихоньку понимать дона Рэбу, написавшего трактат «О скотской сущности земледельца»! Но наконец ежедневное копанье в земле для меня закончилось, и пора было воспарить взглядом в горние выси. Для

каковой цели на Манюнином острове имелась вполне приличная гора, а я приобрел кое-какую оптику.

То есть мне захотелось посмотреть на звезды. Сравнить их с куда более приличной картой, чем распечатанная сразу после первого прибытия на Хендерсон, вычислить и записать координаты нескольких заранее отмеченных. После чего загрузить данные в таблицу уже скачанной программы, нажать «энтер» и точно узнать, какой же здесь все-таки астрономический год. И окончательно убедиться, что этот мир полностью тождественен нашему прошлому. Разумеется, кроме тех его аспектов, в которые мы уже успели вмешаться.

Ночевка на вершине горы прошла продуктивно. Потом я обработал данные и получил год и дату, совпадающую с нашей, выведенной на основе полученных от испанцев сведений. Значит, пока никаких различий этого мира с нашим прошлым не наблюдается. И если мы, например, сейчас заявимся в Испанию, то увидим самое начало сборов Великой армады. А подождав года три с небольшим, сможем посмотреть, как она утонет. И если появится желание, поздравить сэра Френсиса Дрейка с этим знаменательным свершением.

Однако, поделившись полученными сведениями с дядей Мишей, я услышал:

— Миры, говоришь, идентичны? Может быть, очень даже может. Но как минимум одно различие у них все-таки есть, и довольно существенное. Сколько кристаллов было в нашем мире до того, как ты до них добрался? Три. А в этом, судя по твоим данным о скоростях протекания времени, вообще ни одного нет.

ГЛАВА 2

В начале ноября на полях, расположенных в закрытой от ветров большой долине километрах в трех от Форпоста, начали пробиваться первые ростки. Причем как на основных грядках, так и на образцовых. Что это такое? Мое, не побоюсь этого слова, изобретение в области

сельского хозяйства. Родилось оно, как это и положено всякому порядочному новшеству, от лени. Ну влом мне было запоминать десятки фотографий с изображениями наших будущих сельхозкультур, тем более что в разные моменты своего развития они могли довольно сильно отличаться.

Женя тоже собирался по мере сил участвовать в развитии земледелия, причем с куда большим энтузиазмом, чем я. Просто потому, что на новом месте почти никто не болел, и у нашего доктора образовалось свободное время. Но и он приуныл, когда попробовал объяснить смысл тех картинок аборигенам Хендерсона, Питкэрна и Чатема. Ведь на их островах флора была довольно однообразной и ничем не напоминала ни наших культурных растений, ни местных сорняков. И как потом организовать прополку, спрашивается? А ведь мы посадили хоть и понемногу, но почти полсотни наименований, дабы посмотреть, что здесь лучше приживется и даст лучший урожай. Причем большую часть ни разу не видели даже те несколько человек, что до переселения работали на огороде у дяди Миши.

Так вот, рядом с каждой основной грядкой распахивалась образцовая, совсем маленькая. Ее ничем не засаживали. И, значит, перед... да как же их назвать... полотелями? Или все-таки польщиками? В общем, перед работающими на прополке стояла простая задача. Выдергивать на основных грядках те ростки, подобные которым есть на образцовых, и оставлять только не имеющие аналогов на соседней полосе.

Дядя Миша одобрил мою рационализацию и засобирался домой, на Изначальный, к жене и дочке. Так что вскоре он уже гостил в моей московской квартире, по вечерам вместе со мной выбираясь в гараж и наблюдая, как я маюсь с открытием перехода пусть и в хорошо знакомое, но не имеющее маяка место.

С третьей попытки у меня получилась маленькая дырочка метрах в ста от берега и на высоте порядка пяти метров. Мы просунули туда антенну передатчика, огла-

сили почти девственный эфир шестнадцатого века серией сигналов и отправились в квартиру. Теперь появилась надежда, что следующим вечером в том месте уже будет ждать лодка, куда можно передать шест с аппаратурой, после доставки которого на остров открыть переход туда будет совсем просто. Однако хрен — следующим вечером никакая лодка нас не ждала, хоть дырочка открылась, и почти в том же самом месте. Я даже слегка забеспокоился и, чуть развернув мини-переход, немного увеличил его диаметр. Теперь в поле зрения попал край поселка у верфи и несколько спокойно перемещающихся по нему аборигенов. Мы опять просунули туда антенну, но сейчас она излучала сигналы совсем недолго. Все-таки открыть, а потом развернуть переход и увеличить его потребовало такого напряжения, что у меня потемнело в глазах. Дырка схлопнулась, ровненько обрезаю антенну почти у самого передатчика.

— Спят ваши дежурные, — предположил я, отдышавшись. — Или на огороде пасутся, пользуясь отсутствием хозяина. Так что, похоже, придется продолжать по старинке, методом последовательных итераций. Дней за десять точно управлюсь, а если повезет, и недели хватит. Только, может быть, все же сходите в поликлинику?

Дело было в том, что майор сразу по прибытии в двадцать первый век почувствовал недомогание, которое потихоньку усиливалось. Но от посещения врачей отказывался — мол, это на него так действует здешний мир, очень для человека вредный, а на Хендерсоне все болячки мгновенно пройдут сами собой.

Кстати, нечто подобное заметил и я, когда после завершения нашего океанского плавания несколько раз мотался с Чатема в Пруды и обратно. Во время шторма я малость простудился, и при каждом посещении будущего меня одолевал насморк и начинало першить в горле. Но стоило вернуться на Чатем, как все симптомы исчезли меньше чем за день.

В общем, майор в очередной раз отказался от посещения поликлиники. И, вздохнув, буркнул:

— Ох, научу же я кое-кого родину любить!

После чего мы отправились ужинать и спать в мою квартиру.

Однако мне не пришлось неделю корячиться над аппаратурой — следующим вечером по ту сторону открытой дырки уже качалась на волнах надувная лодка. Я пропихнул шест в переход, абориген поймал дюралевину, и вскоре мы с дядей Мишей были на Хендерсоне. Даже чай — и тот был заварен к нашему приходу! Если кто-то из дежурных и зевнул, то ненадолго, однако майор все равно хотел разобраться. Мой же путь лежал в московский гараж.

Перед возвращением в Форпост я поискал в Сети труды по закономерностям развития человеческого общества. Меня интересовало — почему, например, англичане колонизировали Австралию, а не наоборот? Ведь на соседнем с Форпостом материке уже сорок тысяч лет назад умели делать бумеранги и довольно сложные каменные орудия, а в Европе крайне малочисленное население пребывало в такой дикости, по сравнению с которой уровень развития тасманийцев мог сойти за невиданный прогресс. Однако австралийцы остановились в развитии, а Европа совсем недавно, по историческим меркам, совершила рывок. Почему?

Всякие ответы насчет генетической предопределенности народов к прогрессу или наоборот я пропускал не читая, потому как имел возможность на практике убедиться в их несостоятельности. Пассажи про пассионарность меня тоже не убедили. Потому как ни в одной теории толком не объяснялось, откуда она берется и как ее там набрать побольше.

В общем, объяснений неравномерности развития человеческих обществ было много. Некоторые заставляли чесать в затылке — как, например, теории про Китай. Почему эта страна в Средние века совершила научный,

технологический и культурный рывок, намного обогнав Европу по всем показателям? Из-за того, что Китай представлял собой мощное моногосударство, в то время как в Европе на той же территории могло уместиться (и умещалось) несколько королевств или княжеств. Так утверждал один исследователь.

Да, но почему потом Китай сначала остановился в развитии, а затем даже попятился назад? Из-за того, что он представлял собой мощное централизованное государство, отвечал второй ученый. В то время как в Европе их было много, в силу каковой причины сказалось благотворное влияние конкуренции.

Интересно, а почему тогда раздробленность русских княжеств не дала им мощного преимущества перед монголами? Куда, черт возьми, в самый ответственный момент подевалась упомянутая спасительная конкуренция?

Потихоньку у меня сложилось свое мнение. Оно заключалось в том, что причин для неравномерности развития действительно много. Однако одной из самых важных является наличие или отсутствие письменности. А также возможность резко увеличить число грамотных, когда наступит такая необходимость.

В Китае, как и в Египте, письменность возникла очень давно, что дало большие преимущества этим странам. Но потом потребовалось расширить прослойку умеющих читать и писать, однако с этим при иероглифическом алфавите возникли определенные трудности. Их не смогли преодолеть ни Египет, ни Китай, и страны потихоньку сдулись.

А вот буквенный алфавит гораздо проще для изучения, и я собирался с самого начала использовать это обстоятельство по полной. В новой стране грамотными должны быть все! Правда, в разной степени, тут уже никуда не денешься.

Сейчас как-то читать и еще более как-то писать с грехом пополам умели человек десять. Разумеется, не считая Поля, который освоил азы очень давно, а теперь ис-

пользовал сидение на Чатеме для повышения своего культурного уровня. Я оставил ему неплохую электронную читалку, и сейчас он делил время между повестью Хейердала «Аку-Аку» и одиннадцатым томом полного собрания сочинений Сталина.

Однако остальные грамотные, в том числе и мои старые подопечные Ханя с Тимом, такими успехами похвастаться не могли. Регулярное чтение Детской энциклопедии пока явно выходило за пределы их возможностей. Все-таки они еще дети, хоть и взрослые по местным меркам. И значит, им нужны сказки.

Да, но попробуйте найти такую, чтобы человек, в жизни видевший лишь несколько островов в океане, не оказался погребен под кучей абсолютно незнакомых ему бытовых и культурных подробностей! Да еще чтобы эта сказка помогала ему освоить начала точных наук, развить лучшие стороны своей личности плюс звала в светлое будущее и предостерегала, каким — ох, до чего же не светлым! — оно может стать, если направить вектор развития не туда. И при этом сказка должна быть настолько интересной и захватывающей, чтобы читатель если и мог от нее оторваться, то только с трудом.

Так вот, найти подходящее по всем параметрам произведение было непросто, но я справился с поставленной задачей. Теперь, пожалуй, у меня может и получиться привить основателям нового народа интерес к чтению. Потому как что он дает — в этом можно было в свое время убедиться на примере Советского Союза. А к чему приводит его отсутствие — на примере современной Российской Федерации.

И дело даже не только в том, что из никогда ничего не читавшего труднее сделать приличного специалиста. Можно, хотя, например, нарастающий падеж спутников — он ведь происходит не просто так. Но все же специалисты пока есть. И они могут работать, причем иногда даже виртуозно, сам видел. Но вот что-то кому-то объяснить эти люди совершенно не способны! Мекают,

блеют, как та собака, что все понимает, а сказать не может.

То есть сейчас среди учителей еще встречаются люди, которые что-то в жизни читали, в силу чего, вопреки общим установлениям, из школ иногда выходят не полные неучи. Но ведь они, эти учителя, скоро кончатся, вот в чем беда. И обучением тех, кто сейчас только родился, займутся педагоги, из печатной продукции читавшие только брошюры про быстрое увеличение бюста или члена в несколько раз, а всю остальную духовную пищу получившие из зомбоящика. На фоне их учеников нынешние жертвы ЕГЭ покажутся сплошными декартами и ньютонами. А ведь я мог бы дожить до тех кошмарных времен, не сведи меня судьба с Виктором Семеновичем.

Вот потому, что нам нужны были не только и даже не столько специалисты, сколько люди, способные преподавать широким массам аборигенов хотя бы курс начальной школы, я вернулся в Форпост с полиэтиленовым пакетом под мышкой. В котором лежали шесть книг — по два экземпляра каждого тома трилогии про Незнайку.

Как и ожидалось, молодежь с увлечением окунулась в описание приключений предприимчивых коротышек. Разумеется, сразу возникло несколько вопросов, но к ответам на наиболее очевидные из них я подготовился заранее.

Первый относился к автомобилю Винтика и Шпунтика. Что такое газированная вода с сиропом и как она может двигать машину наподобие нашего двойного мотора?

Кстати, у современной российской молодежи вполне могло возникнуть то же самое недоумение. Я-то видел в детстве полуразвалившийся автомат для продажи такой воды и в силу уже приобретенной технической любознательности расспросил отца, что он делал и как был устроен. Так вот, оказалось, что во времена написания первого «Незнайки» не было даже таких автоматов! А были толстые тетки в белых халатах при тележках с баллоном, ба-

ком для воды и двумя стеклянными цилиндрами с сиропом.

И, значит, я раздобыл сифон, а баллончики с углекислотой у меня и так были, от «кастрата». После чего сначала показал, как делается газированная вода, а потом — как от этого баллончика может работать маленький пневмодвигатель. Что интересно, слушатели поняли практически все. Более того, теперь они хоть и в самых общих чертах, но представляли себе принцип работы поршневого двигателя, с чем раньше у них было просто никак. А вот воздушный шар почему-то не вызвал большого энтузиазма. Может, оттого что люди уже видели самолет?

Тем временем наши грядки все более и более зелене-ли. Нет, колоситься там еще явно ничто не колосилось, хоть я и не очень ясно представлял себе, как может выглядеть этот процесс. Но молодая поросль поперла вверх довольно активно. Причем ее лицезрение заметно расширило мой сельскохозяйственный кругозор. Выяснилось, например, что молодая морковь практически неотличима от столь же молодого укропа, несмотря на то что в виде подлежащих бросанию в суп продуктов они не имеют меж собой ничего общего.

Еще одним интересным наблюдением стало то, что помидоры, проросшие из одного и того же пакетика с семенами, могут очень сильно отличаться друг от друга. То есть на грядке проклюнулись растения двух видов, совершенно друг на друга не похожие. Я долго рассматривал образцовые грядки — а вдруг одно из них сорняк? Но нет, ни на одной маленькой полосе не возшло ничего даже отдаленно похожего, то есть оба вида проросли из посеянных нами семян.

Банг с сыновьями Зины поначалу отнеслись к новому занятию матери семейства со скепсисом: мол, где это видано, чтобы коренья и орехи сами приходили к людям — может, они еще и в рот прыгать будут? Но не возмуща-

лись, потому как дело женщины — обеспечить всякую траву к добытому мужчинами мясу. А наша трактористка теперь получала усиленный паек макаронами, гречкой и прочими дарами распродаж в «Ашанах».

Однако вскоре мнение мужской части тасманийской автономии относительно сельского хозяйства радикально изменилось. Ведь они охотились в основном на валлаби, которых еще называют сумчатыми зайцами. Вот зверюшки и вели себя как те зайцы, в полном соответствии с названием повадившись на наши поля. Особый ажиотаж возник вокруг трех кукурузных грядок, но и прочие овощи тоже не избежали внимания серых воришек. Поэтому теперь вместо беготни по всему острову охотникам достаточно было сесть в центре поля, причем даже не маскируясь. Днем просто так, а ночью — с ночным биноклем. И, без суеты прицеливаясь, постреливать наглых визитеров. С чего этим карликовым кенгуру, спрашивается, так понравились наши поля? Ведь на острове полно самой разнообразной травы, прямо хоть коров заводи с козами. Так нет, подавай им именно кукурузу. Правда, у меня было подозрение, что скоро все глупые валлаби кончатся, а умные будут держаться подальше от полей, но пока мяса хватало с избытком, несмотря на двойное увеличение численности населения Форпоста.

В конце ноября я наконец-то смог полностью свалить все земледельческие заботы на Женю и пятерых аборигенов Хендерсона, более или менее знакомых с огородничеством, а сам взялся руководить постройкой серии сразу из трех небольших катамаранов по образцу конструкции, придуманной Полем. Потому как теперь на один наш корабль, «Мечту», имелось два подготовленных экипажа. Путь с Чатема на Флиндерс кораблик проделал за двадцать дней. Столь долго он добирался потому, что дизеля в пути вообще не включались, причем последнюю неделю «Мечтой» управляла исключительно семья Кири-Кау, который еще со времен своего героического плавания вокруг родного острова носил имя Кирилл и щего-

лял в тельняшке. Мало того, семье пришлось вести катамаран очень круто к ветру, но она справилась. И теперь, значит, начнет строить корабли для колонии, ибо тасманийцы тоже хотели плавать.

Расчеты показали, что конструкция Поля имела избыточный запас прочности, но я решил не уменьшать его, а немного увеличить размеры суденышек, чтобы на их палубе появилась возможность поставить хоть какое-то подобие кают. Теперь поплавки будут иметь длину семь метров вместо пяти с половиной у прототипа, а объем каждого составит два кубометра.

Кроме того, увеличение размеров позволяло расположить на кораблике дешевый двигатель. Потому как сами судите — наиболее бюджетнейшим из лодочных моторов является «Салют». Он двухтактный, что отнюдь не прибавляет ему ни ресурса, который мизерен, ни экономичности, отсутствующей в принципе. А стоит этот кошмарик почти пятнадцать тысяч. Узнав, что мощность одного дорогущего недомерка составляет всего две силы, моя жаба потеряла дар речи от возмущения, и я в спешке, пока он к ней не успел вернуться, поставил крест на программе приобретения подвесных лодочных моторов. Потому как китайская копия хондовского GX-200 стоит пять с половиной тысяч в розницу, а мелким оптом почти в полтора раза дешевле. Отличный мотор, на базе него собрано много мотоблоков и бензогенераторов. Мощность — пять с половиной кобыл, и он четырехтактный, то есть жрать будет даже меньше двухсильного «Салюта». Ну а сочинить ременный привод с вала на винт нетрудно, подумал я, доставая из ящика стола карандаш, ластик и тетрадь в клеточку.

ГЛАВА 3

Купив ремней и заготовок под шкивы для приводов наших новых кораблей, я вернулся в Форпост, да так и застыл от удивления. Солнце уже скрылось за горой на западе! А когда я покидал шестнадцатый век, оно толь-

ко-только касалось краем вершины. Но я же мотался по Москве меньше пяти часов, и здесь должно было пройти от силы минуты полторы. Если, конечно, это тот же вечер, в который состоялся старт очередного посещения будущего.

Охваченный нехорошими подозрениями, я метнулся к электронному хронометру и посмотрел дату и время. Слава богу, день оказался тем же самым — вторым декабря пятого года. Но с момента закрытия предыдущего перехода тут прошло сорок минут! Да что же это, теперь соотношение скоростей протекания времени составляет всего один к восьми?

Дело было очень серьезным, и я, опять включив аппаратуру, открыл переход. Перебрался в гараж и сидел там полчаса, изнывая от нетерпения, после чего вернулся в Форпост и, сравнив показания хронометров, быстренько вычислил соотношение. Получилось один к двумстам шестидесяти двум, что с точностью до ошибки измерения совпадало с результатом предыдущего замера. Но что же тогда, черт побери, происходило во время моего путешествия по магазинам запчастей для мотоблоков? И где — в том мире, в этом или в обоих сразу?

Итак, что мы имеем? Если принять гипотезу дяди Миши, то в этом мире до моего появления не было ни одного кристалла. Это могло означать как различие миров именно по данному параметру, так и то, что эти самые кристаллы появились в обоих мирах позднее конца шестнадцатого века. Вот как раз сейчас, например.

Да, но тогда все равно ничто не сходится! Если здесь появились все три, то от моих перескоков в будущее вообще ничего не должно измениться, тут их по-любому останется больше, и значит, время будет идти быстрее.

Получается, что кристаллы прибывают сюда по одному и как раз сейчас, предположил я. Если их становится четыре, то при моем уходе в двадцать первый век с двумя их станет по два в каждом мире, и время потечет с одинаковой скоростью. Но ведь не было же такого!

Такого действительно могло и не быть, сообразил я

через минуту. А было другое — например, чьи-то попытки попасть в этот мир из какого-то третьего. То есть кто-то проник сюда, пробыл тут сорок минут и свалил вместе со своим кристаллом. И пока он тут сидел, время здесь и в двадцать первом веке текло с одинаковой скоростью.

Когда я дошел до этого места, мне малость поплохело. Ведь по теории Виктора Семеновича кристаллы нужны только для преодоления той самой неравномерности! Когда ее нет, переход между мирами может открыть каждый, имеющий к этому способности, а таких немало. Блин, вот только толпы попаданцев из будущего нам тут и не хватало!

Правда, для открытия канала нужны не только желание и способности, но и ясное представление о том, как выглядит предназначенное к совмещению место того мира. Вряд ли потенциальные путешественники во времени им обладают, так что открытие может получиться только у тех, кто представляет себе что-то вечное и неизменное. Лучше бы, конечно, им привиделся бескрайний океан, авось и выкинет где-нибудь в самой середине Тихого — пусть плавают на здоровье. Ледяные пустыни Антарктиды — тоже хорошее место. Но вдруг некоторые решат вообразить степь, саванну или лес? Остается только надеяться, что за сорок минут, причем без всякого предупреждения, этого не успел никто.

То, что во время открытия переходов скорости протекания миров выравнивались, в этом смысле опасности не представляло, потому как одним из краеугольных постулатов теории Виктора Семеновича являлась невозможность открытия двух и более переходов одновременно в пределах каждого мира.

Значит, пока дырка открыта, ни сюда, ни в двадцать первый век никто чужой не пролезет, подумал я. Но это, разумеется, не выход, да и не получится у меня держать открытый переход достаточно долго — проблему следует решать как-то иначе.

Примерно до часу ночи я размышлял, а потом сел к

рации. Сначала следовало связаться с Изначальным островом — это было труднее, чем с Чатемом, но приоритетней. Состояние ионосферы не очень способствовало устойчивой связи, так что общаться с майором пришлось мало того что в телеграфном режиме, так иногда и с повторами того, что не получилось принять с первого раза. Но я все же не пожалел времени, по возможности подробно описав дяде Мише сложившуюся ситуацию. Без него сейчас было никак — в наш мир кто-то лезет, и значит, его желательно встретить. А имеющиеся в моем распоряжении встречающие хоть и называются морской пехотой, по боевой мощи если и превосходят отделение стройбата, то не намного. У майора же есть четырнадцать человек с реальным боевым опытом, да к тому же он их тренирует уже больше полугода. А сам он вообще профи, хоть и в возрасте.

— Ситуацию понял, — отстучал дядя Миша. — Жду канала на Хендерсон, сейчас можешь не волноваться, дежурные бдят. Но сначала вывези к себе Поля. Хватит ему сидеть на Чатеме, тем более что наверняка он подготовил хоть какую-нибудь смену. Тебя же на Флиндерсе заменить пока некому.

Я хотел возразить, что даже при равной скорости протекания времен все прогнозируемые задачи, кои придется решать в двадцать первом веке, потребуют не больше двух недель, но запнулся, не успев начать передачу. Ведь пока прорезался только один лишний кристалл! А если их станет два или три? Тогда время шестнадцатого века всегда будет идти почти в триста раз быстрее, чем двадцать первого, и две тамошние недели растянутся на десять здешних лет, если не больше. Майор же по определению будет со мной, так что действительно руководить колонией придется Полю. Потому как из Зябликова примерно такой же администратор, как из меня агроном. Наверное, если подопрет, что-то он сможет — как и я на грядках, — но лучше до этого вообще не доводить.

Да, но как быть с Изначальным островом?

— За Хендерсон не беспокойся, — запищали наушники.

ки. — Маша оказалась очень боевой девушкой. Ничего при ней с островом не будет, последнее время она тут и так всем командует, ведь мне приходится много времени тратить на обучение личного состава. Разве что производство револьверов без меня встанет, но мы, наверное, это переживем.

Сеанс связи с Полем я отложил на утро, потому как на Чатеме у рации вряд ли сидит дежурный, а времени уже третий час ночи. Да и мне не помешает поспать, все равно прямо сейчас молодого человека в Форпост не перетащишь, рейс «Мечты» туда и обратно в лучшем случае потребует недели две, а то и три.

Проснувшись, я первым делом додумал то, о чем начал размышлять еще ночью: кто поведет катамаран на Чатем? И быстро пришел к выводу, что не я. А оба местных экипажа, то есть Тонга с Власом и Мариком плюс семья Кири. Все они имеют опыт походов на «Мечте», мне же придется заняться межмировыми переходами, потому как тут меня не может заменить никто.

Связь с посольством небесных сил установилась довольно быстро — все-таки до Чатема куда ближе, чем до Питкэрна, и антенна там тоже находилась на довольно высокой горе. Поль сказал, что он все понял. Замена ему тоже есть, так что он готов и ждет «Мечту».

Итак, все озадачены, и остается только разложить по полочкам, что и как буду делать я. Тут особенно долго размышлять не пришлось — пойду на работу, даром что был там совсем недавно. Ибо хоть у меня на Форпосте и есть электронная лаборатория, ее возможности все-таки уступают той, что в институте, где я тружусь ведущим инженером. Задача же стоит не самая простая.

Ведь до сих пор я открывал каналы только на маяки, параметры излучения которых мне были известны с точностью до милливольты и микросекунды. Теперь же предстояло обнаружить работу какой-то совершенно чужой аппаратуры.